

— Лю Юань? — Янь Сюнь недоуменно нахмурился. — Я никогда не имел с ним дел. Не принуждал его травить брата и уж тем более не доводил до самоубийства. Старая госпожа, не стоит возводить на меня напраслину.

— Это ты! Ты сжил моего сына со свету! — вопила старуха, заходясь в рыданиях. Она резко обернулась к Чжоу Це: — Господин Чжоу, вы обязаны восстановить справедливость... Мой мальчик погиб ни за что!

Её лицо, сплошь изрезанное глубокими бороздами морщин, исказилось от горя. Глаза покраснели и опухли, а слезы, беспрестанно катясь из-под дряблых век, мгновенно заполняли каждую складку кожи. Она смотрела на главу Дали-сы с отчаянной надеждой, вытянув шею, точно схваченная за горло утка. Казалось, ещё мгновение — и она просто сломается.

Янь Сюнь почувствовал невольную жалость.

— Старая госпожа, я правда не покушался на жизнь Лю Юаня. Он принял яд по собственной воле, и я не имею к этому никакого отношения.

— Хватит... хватит отпираться! — Старуха захлебнулась рыданиями. — В предсмертной записке сына всё написано чёрным по белому: это ты его погубил!

Янь Сюнь повернулся к Чжоу Це:

— Господин Чжоу, где эта записка?

— Почтенная, прошу вас, отпустите его, — видя, что старуха не собирается разжимать руки, Чжоу Це пришлось самому отцеплять её от одежды принца. Она вцепилась в мягкую ткань одеяния Янь Сюня скрюченными, точно высохшая кора, пальцами так крепко, что их не удалось разжать.

Потребовалось немало усилий, прежде чем Чжоу Це удалось поочерёдно разжать все десять пальцев. Старуха замерла, оставшись стоять с протянутыми руками, и смотрела на Янь Сюня с такой ненавистью, что, казалось, пронзала его своим взглядом.

Достав из-за пазухи предсмертное письмо Лю Юаня, Чжоу Це протянул его принцу:

— Взгляните внимательно, Второй Его Высочество.

Янь Сюнь взял бумагу. Там в подробностях описывалось, как он якобы заставил Лю Юаня отравить Янь Юя, а после вынудил совершить самоубийство. В записке упоминалась их тайная встреча в Павильоне Гуйюй: именно тогда принц якобы передал лекарю белый фарфоровый флакон с ядом. Каждое слово этого признания в точности подтверждало показания Ван Шу.

— Ваше Высочество, — негромко позвал Сяо Юэбай.

Янь Сюнь понял его без слов и передал письмо Сяо Юэбаю. Тот бегло просмотрел текст и обратился к Чжоу Це:

— Эта записка вполне может оказаться подделкой. Господин Чжоу...

— Господин Кан из Академии Ханьлинь лично проверил почерк, — перебил его глава Дали-сы.
— Он готов подтвердить под присягой: письмо подлинное.

Чжоу Це перевёл тяжёлый взгляд с Сяо Юэбая на Янь Сюня. Он резко выхватил письмо из рук Сяо Юэбая и, сделав шаг вперёд, едва не ткнул им в лицо принцу.

— Второй Его Высочество, содержание записки полностью совпадает со словами Ван Шу. Как вы это объясните? Вчера вам удалось сбить её с толку красноречием и даже попытаться свалить на неё вину, но что вы скажете теперь? Какие оправдания найдёте на этот раз?

— Я... — Янь Сюнь успел произнести лишь одно слово, как Чжоу Це, не давая ему договорить, зычно окликнул людей из аптеки:

— Ну же! Есть ли среди этих восьми тот, кто купил «Цзю Ша»?

Торговец и его помощник синхронно покачали головами.

— Его здесь нет, — ответил владелец лавки.

— Вы хорошо посмотрели? — переспросил Чжоу Це.

— Господин, я занимаюсь торговлей, — пояснил аптекарь. — Если я видел человека в лицо, я не забуду его за такой короткий срок. Хоть тот покупатель и пытался скрыться за накидкой, мне хватило одного взгляда, чтобы запомнить его черты. Среди этих восьми его точно нет.

Чжоу Це слегка растерялся и обратился к супругам Лю:

— А вы? Посмотрите на этих слуг. Узнаёте тех двоих, что принесли вам деньги?

Старуха, всё ещё давясь слезами, бросила на Янь Сюня ядовитый взгляд и направилась к шеренге евнухов. Вытирая лицо, она широко раскрыла глаза и принялась пристально вглядываться в каждого. Она смотрела на них так остро и безжалостно, что, словно смазанным ядом кинжалом, сдирала со слуг кожу, чтобы обнажить их кости и нутро.

Слуги стояли в два ряда. Она медленно прошла от первого до последнего, но так и не нашла тех двоих, что принесли им десять тысяч лянов за жизнь сына. Внезапно силы оставили её. Старуха зажмурилась и начала оседать на землю; старик вовремя подхватил её под локоть, не дав упасть. Он тоже внимательно осмотрел всех присутствующих, но знакомых лиц не обнаружил.

Видя их подавленность, Чжоу Це понял результат, но всё же спросил:

— Ну что?

Старуха ничего не ответила, лишь беззвучно плакала, привалившись к мужу.

— Среди этих людей нет тех, кого мы видели, — со вздохом произнёс старик.

Янь Сюнь обвёл взглядом собравшихся и, в конце концов, остановился на Чжоу Це. Он холодно и едва заметно усмехнулся.

— Я-то полагал, господин Чжоу, что вы пришли помочь мне найти истинного предателя. А вы, оказывается, привели «свидетелей», лишь бы закрепить мою вину? Жаль разочаровывать, но никто из моих слуг не покупал яд и не встречался с четой Лю.

От этого прямого взгляда Чжоу Це почувствовал странный холод, пробравший его до самых костей. Он кашлянул, пытаясь вернуть самообладание:

— Все ли слуги Дворца Фуюй сейчас здесь?

Янь Сюнь жестом велел служанке принести именной реестр и передал его главе Дали-сы.

— Если не верите, сверьтесь со списком.

В реестре были и описания, и портреты. Чжоу Це лично вызывал каждого по имени, сверяя лица с изображениями. Никаких расхождений. Чтобы исключить возможность подмены, он даже приказал привести главного управляющего над евнухами. Тот, осмотрев каждого, подтвердил:

— Ошибки быть не может. Все восемь — действительно слуги Дворца Фуюй.

Поблагодарив управляющего, Чжоу Це почувствовал, как вокруг него сгущается туман. Если это не они, значит, те люди лишь прикрывались жетонами Дворца Фуюй? Но если они не из этого дворца, откуда у них жетоны? С другой стороны, если бы это были настоящие слуги Янь Сюня, было бы верхом глупости так неосторожно выставить напоказ свои опознавательные знаки перед аптекарем и семьёй лекаря. А если они выдавали себя за других намеренно...

Выходит, всё это — инсценировка. Кто-то за кулисами старательно разыгрывал спектакль, чтобы подставить Янь Сюня.

Чжоу Це украдкой взглянул на Сяо Юэбая и принца. Четырнадцатилетний Янь Сюнь стоял прямо, сохраняя привычное бесстрашие, хотя в его чертах ещё читалась юношеская мягкость. Рядом с ним Сяо Юэбай казался воплощением кротости: он слегка склонил голову, и его чёрные волосы рассыпались по плечам, обнажая белизну шеи. Вид у него был такой непривычно беззащитный, словно он сам стал жертвой несправедливости.

— Господин Чжоу, — негромко произнёс Янь Сюнь, поправляя смятый ворот. — Вы ворвались ко мне с этими людьми без доклада. Это прямое нарушение приличий, и лишь моё милосердие удерживает меня от наказания за вашу дерзость. Теперь, когда вы убедились в чистоте моих людей, почему вы всё ещё здесь?

Чжоу Це только собрался ответить, как вдруг тишину разорвал истошный, леденящий душу крик. Стая птиц, испуганно захлопав крыльями, сорвалась с карниза и в панике скрылась в бледном небе.

<http://bllate.org/book/17467/1697333>